

Владикавказскія Епархіальныя Вѣдомости.

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ).

13 годъ
изданія.

1907

23 Сентября.

№ 39.

Цѣна за 52 №—пять руб. съ
первой епархіи: съ членовъ
причта, съ частныхъ подше-
чиковъ, съ церковныхъ школъ
— три руб. въ годъ; цѣна одно-
го номера—28 к. (четыре поч-
товыхъ марки).

Адресъ: Владикавказъ
(Терской области) Ре-
дакція Епархіальныхъ
Вѣдомостей.

Официальная часть.

Перемѣны по службѣ.

4 сентября сего года Преосвященнѣйшимъ Гедеономъ, Епи-
скопомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ псаломщики при-
ходовъ Даргъ-Кохскаго Тимофей Гарисовъ и Цейскаго Але-
ксандръ Алдатовъ, согласно обоюдному ихъ желанію, переведе-
ны одинъ на мѣсто другого. 21 августа 1907 г. Его Преосвя-
щенствомъ и. д. псаломщика Галиатской церкви Михаилъ Дзод-
цоевъ зачисленъ въ духовное вѣдомство и утвержденъ въ дол-
жности всаломщика.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 23
августа сего 1907 года за № 9672, настоятельница Георгіевска-
го женскаго монастыря игуменія Агаѳоника утверждена въ дол-
жности настоятельницы монастыря.

11 сего сентября 1907 г. Преосвященнымъ Гедеономъ, Епи-
скопомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ псаломщикъ Св. Тро-

ицкой Братской церкви г. Владикавказа Николай Шибинскій переведенъ, согласно прошенію, къ Николаевской церкви г. Кисловодска на мѣсто псаломщика діакона Михаила Образцова, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлена свободная штатная діаконская вакансія при той же Кисловодской церкви; того же числа Его Преосвященствомъ къ Владикавказской Братской церкви переведенъ по прошенію, псаломщикъ Моздокскаго Успенскаго собора Григорій Швець, а на мѣсто послѣдняго къ Моздокскому собору псаломщикомъ назначенъ бывшій воспитанникъ 3-го класса Тифлисскаго Духовнаго Семинарія Иванъ Покровскій.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЖЕРТВОВАТЕЛЯМЪ.

Въ текущемъ 1907 году въ Покровскую церковь ст. Аки-Юртовской на пожертвованія, собранныя среди прихожанъ, приобрѣтено: икона св. мучениковъ Флора и Лавра и занавѣсъ къ ней цѣною въ 45 р.; семисвѣчникъ за престольный и семь металлическихъ свѣчей къ нему 40 р. 25 к.; фонарь выносной 5 руб. кропило цѣною 2 р., а всего на сумму 92 р. 25 коп. На рапортъ благочиннаго 9 округа за № 458 объ этихъ пожертвованіяхъ послѣдовала 4 сентября с./г. резолюція Его Преосвященства такая: „сердечно благодарю жертвователей“.

Владикавказскій Епархіальный Училищный Совѣтъ выражаетъ свою благодарность за пожертвованія лакомствъ ученикамъ церковно-приходской школы въ с. Баксанѣ въ день окончанія занятій: женѣ священника Ю. Бѣлоусовой, церковному старостѣ М. Швецову, купцу Н. Каракашеву, начальнику почтового отдѣленія М. Тавлинову и учителю Ѳ. Карбовцу.

Отъ Правленія Владикавказскаго Духовнаго Училища.

По журналу Правленія училища отъ 5 сент. за № 37-мъ на первое полугодіе 1907/8 учебнаго года слѣдующіе ученики приняты а) на полное епархіальное содержаніе IV класса—1) Бабіевъ С., Гадіевъ П., Ланинъ Ѳ., Михеевъ Ал., 5) Путягинъ Ал. III кл. Благонравовъ Вл., Закхеевъ Вл., Ланинъ С., Роговицкій М., 10) Сахаровъ К., Тихомировъ В., Юшковъ Н.; II кл. Бо-

чаровъ Н., Васильевъ Н., 15) Величко Н., Епихинъ Л., Кардашевскій П., Ливановъ В., Михеевъ Н., 20) Накусовъ А., Ртишевъ Ал., I кл., Бабіевъ С., Бѣдинъ Б., Глаголевъ Б., 25) Колодяжный Г. Кудрявцевъ А., Путятинъ Ив. Туаевъ В.; приг. кл. Благонравовъ Ал. 30) Давиденко Н., Дегтяревъ П., Михеевъ Б., Погорѣловъ Д., Рогожинъ Г., 35) Ступочкинъ Ив. и 6) на полуепископальное содержаніе—IV кл. 1) Лавровъ Евг. Плазуновъ Н; III кл. Баженовъ Ал., Бицоевъ Ар., 5) Пхакадзе Ал., Стодеревскій П., II кл. Зинченко Як., Ивановъ Д., Моничъ М., Тихомировъ П., Царевскій П., I кл. Богоявленскій Вяч., Закхеевъ Н., Тлатовъ Н., приг. кл. 15) Бакурадзе Н., Вязовскій Ал., Сохадзе Гас. и 18) Яблонскій П. Всего 53 ученика, при комплектѣ 40 полныхъ и 10 половинныхъ епископальныхъ вакансій.

Отказано въ приѣмъ на епископальное содержаніе ученикамъ: IV кл.—Смирницкому М., II кл.—Терентьеву Ал.; I кл.—Константинову Петру и Студенецкому Арг., Тугаринову М., Ходову М. и пригот. кл.—Глаголеву Н-ю.

Смотритель училища **Н. Чернавскій.**

Редакторъ официальной части Священникъ В. Топкинъ.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Крѣпись, пастырь! «Это — облачко; оно пройдет!».

Это было очень давно. Рѣки христіанской крови, пролитой величіемъ кесарей, казалось, смываютъ совѣсъ съ лица земли малую горсть «вредной» секты галилеянъ, учившихъ о преимуществахъ бѣдности надъ богатствомъ. Язычники ужъ праздновали свою побѣду дикими оргіями вокругъ гекатомбъ тѣлъ христіанскихъ, плясали при свѣтѣ «живыхъ факеловъ». «Послѣ истребленія имени христіанъ»— можно было прочесть на значкахъ и медаляхъ, что на груди кровавыхъ участниковъ и свидѣтелей кровавой трагедіи. И устали, измучились въ борьбѣ съ „галилеями“ непобѣдимые ветераны легионовъ кесаря и не уничтожили они силы христіанской. Пышнымъ цвѣтомъ зацвѣла она снова.

Свѣтлый, теплый и тихій день кесаря Константина и

Елены пришелъ и исчезъ, какъ пріятный миражъ, какъ весна, какъ молодость. Возсталъ Юліанъ Отступникъ. Это не врагъ, не звѣрь,—отступникъ хуже врага и свирѣпѣе звѣря. Въмѣсто физической силы, вмѣсто костровъ и застѣнковъ, срубовъ, столбовъ, колесъ, клещей и воловыхъ жилъ пушено было въ ходъ иное, опаснѣйшее. Внѣшняя „свобода“ для галилеянъ и тайное осторожное покровительство всему, что хоть краемъ одежды можетъ ударить ненавистную секту. Издѣвательство, насмѣшки подлѣ личиной безпристрастія. Полная свобода совѣсти, свобода всеѣмъ христіанскимъ сектамъ въ расчетѣ, что во взаимной борьбѣ они уничтожатъ другъ друга и самое имя христіанское. Это было время, когда все темныя силы ада со свирѣпостью, воплнѣ ихъ достойной, кружились надъ головою малой горсти «галилеянъ», какъ стадо коршуновъ надъ полемъ, гдѣ грудью столкнулись бойцы, какъ стая стервятниковъ надъ долиной, гдѣ лежать тѣла храбрыхъ. И не было никакой надежды... Кого пощадить копьѣ врага, того растерзаютъ шакалы, вой которыхъ наполняли тревогой сердца самыхъ отважныхъ... Коршуны и стервятники докончатъ кровавый пиръ. Темная ночь свистѣ бури, ревъ звѣрей, крики совъ и филиновъ довершали ужасъ...

Но... «врата адовы не одолѣють ея»—твердо помнили это тѣ, кто съ грустью и тревогой, стоя во главѣ, взирали, какъ знамя переходило изъ рукъ въ руки, какъ въ самую среду борцовъ, какъ гады, вползали сомнѣнія... Но знамя все также стояло, все такъ же было видно оно, и слова его вливали свѣжую струю бодрящей надежды.

„Врата адовы не одолѣють ея“—было на томъ знамени. И когда ярость стихійная и человѣческая дошла до апогея, когда отчаяніе и ужасъ готовились овладѣть всеѣмъ,—въ это время раздался старческий голосъ: „облачко это; пройдетъ оно!“—сказалъ Аванасій Великій въ то самое время, когда Юліанъ нанесъ, казалось, послѣдній и рѣшительный ударъ „галилеянамъ“. Единственный вождь всей христіанской рати, старый и изможденный ссылками и заточеніями, онъ былъ все-таки страшенъ всемогущему кесарю. «Ничтожный человѣчишко», какъ называлъ онъ святителя, былъ немедленно изгнанъ изъ Египта,—онъ былъ «вредная» личность, вредная именно своимъ ничтожествомъ. Въдъ одно слово всеильнаго кесаря могло-бы стереть въ порошокъ «ничтожнаго человѣчишко». Утлое суденышко унесло Христову жемчужину отъ вѣрныхъ, „ничтожный человѣчешко“ уѣхалъ безъ слова ропота, безъ протеста, смиренно. Послѣднія его слова: „облачко это; пройдетъ оно“ запало въ сердца вѣрныхъ... А въдъ могъ бы онъ поднять за себя полъ—Египта

И прошло „облачко“. Съ тѣхъ поръ прошло много-много времени; много облаковъ и даже тучъ пронеслось надъ головою «галилейской секты», много непогоды перенесла она, много бурь видѣла, много разъ раздиралась внутренними раздорами. И такъ дошло до нашего времени. Вѣка бури смѣнялись вѣками спокойствія, а дерево крѣпло, росло и раскинуло свои вѣтви широко-широко, пустило корни свои въ самую глубь земли. И если бы пало это дерево,—оно выворотило бы своимъ корнемъ самыя нѣдра земли. Повяли бы его вѣтви,—и солнечный жаръ, вѣтеръ, холодъ и дождь стерли бы съ лица земли самое имя «человѣкъ». Но не можетъ упасть это великое дерево: нѣтъ такой силы, которая смогла-бы подрубить его корни. Не старѣетъ оно. И что ни случилось-бы, какая буря ни пронеслась-бы, какой-бы ударъ ни рязрзился,—все это ложные страхи, пустые призраки: «облачко это; пройдетъ оно».

Это было не такъ давно. Снова зашумѣлъ вѣтеръ и опять разразилась буря,—буря изъ самыхъ нѣдръ христіанства. Если бы извнѣ,—развѣ есть тамъ что-либо страшное послѣ всего пережитаго?... Снова—отступникъ. Тотъ, кого имя было: «великій писатель земли русской», чье имя произносилось съ почтеніемъ за обоими океанами,—торжественно, въ упоеніи своей славы, одурманенный всеобщимъ поклоненіемъ, обѣщался оставить „одни обломки“ отъ великой истины Христовой. Такъ нѣкогда гордый сынъ Ассура наверху своей славы сказалъ: „захочу—на небо взойду и выше тамъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему“. Такъ великій корсиканецъ, въ гордомъ сознании силы своей, повелѣлъ написать на знаменахъ непобѣдимыхъ героевъ своихъ: «Тебѣ—небо, а мнѣ—земля». Такъ синица обѣщалась безбрежное море спалить. Такъ... но развѣ всѣ эти примѣры годятся для великаго писателя земли русской, полвѣка державшаго въ своихъ оковахъ мысль человѣчества? И онъ отторгъ себя... Вѣдь онъ—отступникъ. Онъ отрѣзалъ себя отъ лозы жизни и истины. Старѣйшіе, тѣ которымъ дано вязать и рѣшать, увидѣли это и подтвердили: „да, онъ отлученъ!“ Но этого и нельзя было говорить... Тутъ поднялась буря. Казалось, волна общественнаго негодованія смоесть до низу самое имя Церкви. Всѣ, кто прямо или косвенно чувствовалъ себя прикосновеннымъ къ „отлученію“, пугливо прятались, избѣгая людскихъ взоровъ. Это было что-то невообразимое, какой-то хаосъ, борьба титановъ. Но... «облачко это; пройдетъ оно». Развѣ кто забылъ это? Едва прошло семь лѣтъ... „Великій писатель“ объявленъ „великимъ сумасбродомъ“ тѣми изъ своихъ лжебратій, кои прежде съ пѣною у рта запрещали казаться его имени. Тогда стали

правы старѣйшіе, — тѣ, которые давно его осудили.

Такъ справедливый промыслъ, исчерпавъ предварительно всѣ мѣры кротости, всѣ средства любви, прибѣгъ къ послѣдней карѣ, отнявъ человѣческой разумъ гордаго владыки твердынь Вавилоня; такъ могучій геніальный повелитель „дванадцати языкъ“ получилъ въ свой удѣлъ, вмѣсто земного шара, одну лишь жалчайшую песчинку безбрежныхъ водъ океана. Такъ покаралъ онъ и того, кто полвѣка носилъ имя „великаго писателя земли русской“.

И тщетно великій титанъ мысли и слова силится привлечь къ себѣ вниманіе толпы; она равнодушна теперь; тщетно зоветъ онъ къ себѣ былую славу свою: ее стяжали иные; тщетно наполняетъ онъ рынки обоихъ полушарій блѣдными образами прежняго своего генія: нѣтъ отзвука! Все прошло, остались «одни обломки»... отъ великаго генія...

Все то, что во всѣ вѣка было враждебно для Церкви, что жило и питалось злобой и завистью, что приготовило Голгофское позорище, все то, что нѣкогда привело человѣчество къ потопу и непременно приведетъ со временемъ къ послѣдней его гибели, отсрочить которую явилось на землю Предвѣчное Слово, — все это теперь сплотившись, соединилось тѣснымъ союзомъ, чтобы вмѣстѣ, однимъ дружнымъ натискомъ, сломить и столкнуть въ пропасть „вредное заблужденіе“. Изъ мутной рѣки забвенія вынесено на поверхность человѣческихъ мнѣній все, что когда-либо и кѣмъ-либо было сказано во вредъ великому благовѣстію. Словно тысячи великановъ, схвативши свои страшныя сѣкиры, по одной обшей командѣ ринулись рубить могучій тысячелѣтній дубъ... Ярость удвоила ихъ громачныя силы; каждый ударъ могучей сѣкиры трясеть верхушку дерева. И рубятъ витязи дерево, отталкивая одинъ другого и мѣшая своимъ сосѣдямъ. Вотъ одинъ, утомленный, отходитъ, падаетъ, обливаясь кровавымъ потомъ: одна минута — и снова онъ всталъ, снова удары съ удвоенной злобою, съ пѣною у рта, до полного изнеможенія. Дикіе крики и вопли, ругань, проклятія, стукъ стального куска о твердую древесину... Но нѣтъ, не срубятъ они крѣпкаго дуба... Топоры притупились; у ногъ ихъ одни лишь куски омертвѣвшей коры. Прочень ужъ слишкомъ дубокъ...

И такъ — вѣка...

А теперь? И теперь — то же, и такъ же твердо стоитъ дубъ. Три великія отрасли мысли человѣческой — наука, литература и искусство — все это пропитано одной идеей, однимъ желаніемъ, одною цѣлію — стереть съ души человѣка образъ Великаго Учителя и написать иной, ему несвойственный «звѣринный образъ». Все, что было

сто разъ забыто и оплевано даже современниками, снова теперь въ почетѣ. Фогтъ, Бюхнеръ, Молешеттъ, Спиноза, Фейербахъ, Деличъ, Спенсеръ, Гирнанъ, Штраусъ, Ренанъ, Нитцше, Бебель, Толстой и др., обгоняя одинъ другого, одинъ другому противорѣча въ самомъ основномъ, стараются и теперь завладѣть исключительнымъ вниманіемъ ошалѣлой публики изъ числа тѣхъ, про кого сказано гдѣ-то: «что книжка послѣдняя скажетъ, то на душу сверху и ляжетъ». Страшное кошунство, отрицаніе—не философское, а бульварное,—насмѣшки, тупая злоба, вражда, зависть—вотъ чувство по отношенію къ Великой Истинѣ и ея служителямъ.

Крѣпись, пастырь: «облачко это; пройдетъ оно!»

Страпитесь нечего. Но бойся на злобу отвѣтить тѣмъ-же; тутъ —погибель.

Времена Юліана Отступника куда страшнѣе были. И если бы теперь всталъ изъ гроба святитель Аѳанасій, окинулъ-бы своимъ яснымъ взоромъ наше малое стадо, посмотрѣлъ бы внимательно на нашихъ противниковъ, онъ увидѣлъ бы, что это—далеко не новость. Боятся тутъ нечего.

«Облачко это; пройдетъ оно! Аминь!»

(Нижегор. Ц.-Общ. Вѣст.).

Общественные письменные приговоры о духовенствѣ.

Станичныя, сельскія общества могутъ, по закону, составлять письменные одобрительные приговора о приходскомъ духовенствѣ. А „Уставъ о гербовомъ сборѣ“ настолько любезенъ, что даже освобождаетъ отъ гербового сбора этого рода письменные акты внушительной коллективной единицы. Дѣйствительно, съ теоретической точки зрѣнія кажется такъ яснымъ, что никто другой лучше не можетъ оцѣнить всю приходскую дѣятельность извѣстнаго духовнаго лица члена причта, какъ само приходское общество въ лицѣ выборныхъ, или участвующихъ на станичныхъ, сельскихъ сборахъ или сходахъ. Само общество, спеціальнымъ своимъ приговоромъ, составленнымъ съ соблюденіемъ внѣшней, формальной обстановки законности письменнаго акта хвалить, какой-же безумецъ дерзнетъ мыслиги о томъ же событіи иначе; гдѣ основаніе сомнѣваться, оспаривать голосъ народа, если мудрая русская пословица говоритъ, что „гласъ народа—гласъ Божій.“!? Давая право сельскимъ обществамъ и станичнымъ сборамъ „одабривать“ членовъ причта, признавая за коллективной единицей полную зрѣлость, сознательность, нѣтъ основанія не

вѣрить такимъ-же приговорамъ общества, въ коихъ порицается дѣятельность извѣстнаго духовнаго лица, выражается негодованіе, желаніе удаленія изъ прихода „пришедшагося не по двору“ духовнаго лица. Кто умѣетъ оцѣнивать хорошее, взвѣшивать положительное, въ силу уже одного этого, съ такою-же цѣнностію, способенъ и суммировать отрицательное въ дѣятельности духовенства. Вотъ поэтому-то, принимая въ резонъ одобрительные письменные приговоры о духовенствѣ, Епархіальная Власть обязана считаться и съ приговорами, попирающими дѣятельность извѣстнаго духовнаго лица. Но между идеальными взглядами на общины, законъ, жизнь человѣчества и настоящей дѣйствительностію существуетъ дистанція огромныхъ размѣровъ; дѣйствительность частенько враждебна идеалу закона, общины.. На бумагѣ все является такъ гладко, логично, убѣдительно, что, будучи теоретическимъ идеалистомъ, а не практикомъ жизни, легко впадешь въ ошибку, судя а priori. Дѣло въ томъ, что члены общины крайне разнообразно мыслятъ по вопросу о нормальной, законной дѣятельности приходскаго духовенства; многіе отождествляютъ членовъ причта съ простыми наемниками прихожанъ; давая обезпеченіе духовенству, массовая величина прихожанъ желаетъ видѣть духовныхъ во всемъ податливыми, угодливыми; на этой почвѣ и рождаются часто столкновения. Всякій священникъ знаетъ, что его служба „не отъ міра сего“; онъ обязанъ дѣлать полезное, нравящееся народу на столько, на сколько это не противорѣчитъ его служебной обязанности. И, такимъ образомъ, будь хотя исполнительнымъ по службѣ, на хорошемъ счету у своего начальства, имѣя лестную отмѣтку дѣятельности, ни одно лицо церковнаго клира не сможетъ обязательно заслужить хорошій отзывъ и отъ прихожанъ. Отзывы прихожанъ часто основываются не на справедливости, а на прихоти правящей кучки членовъ общества. Народная масса, въ силу бытовыхъ условій жизни, инертна, слаба на инициативу, самодѣятельность, масса эта идетъ въ слѣдъ за кучкой „воротиль“... Не задѣваетъ служебная дѣятельность члена причта отрицательныхъ сторонъ воротиль, ведется примирительная политика съ воротилами, ихъ гладятъ по головкѣ и они податливы на похвалу; благо—эта похвала невѣжды на рынкѣ справедливости цѣнится дешево... А случится иначе, то, хотя вся народная масса и довольна духовнымъ лицомъ, участь непріятнаго „воротиль“ духовнаго лица всегда предрѣшается въ смыслѣ личныхъ желаній „воротиль.“ И при рѣшеніи сборомъ казаковъ, или сходомъ сельчанъ выротили сильно вліяютъ на ходъ общественныхъ дѣлъ въ тонѣ своихъ личныхъ желаній. У меня на глазахъ вся жизнь села. Лицо церковнаго клира имѣетъ много недостатковъ, препятствующихъ правильной, производительной служебной дѣятельности. Неоднократно оно (т. е. это лицо)

оштрафовано; зазорная дѣятельность у всѣхъ на глазахъ, но многое плохое еще сокрыто отъ глазъ народа напр. небрежность веденія документовъ, грубость, дерзость и проч. И благочиническій Совѣтъ былъ на высотѣ своей справедливости, отмѣтивъ въ формулярѣ инкриминируемаго духовнаго лица наиболѣе рельефно сказавшіеся его недостатки, требующіе исправленія ихъ. Въ числѣ недостатковъ указанъ и алкоголизмъ; но, такъ какъ, „воротилы„ села сами причастны къ алкоголю въ сильной степени; одни много пьютъ, а другіе еще контрабандно торгуютъ водкой,— находятъ усладу въ „зеленомъ винѣ“ и, такимъ образомъ, въ порицаніи пьянства члена клира, они усмотрѣли и порицаніе своей „пьяной жизни“, тождественной съ жизнію означеннаго лица, то, ничтоже сумняся,— воротилы и составили, несомнѣнно, въ контра постановленію благочиническаго Совѣта, свой одобрительный приговоръ о дѣятельности того-же лица, въ явномъ расчетѣ, что духовная власть предпочтетъ мнѣніе, проведенное въ приговорѣ сельскаго общества, а поэтому благочиническій Совѣтъ будетъ посрамленъ. Этотъ фактъ наглядно доказываетъ, какъ, при современномъ вліяніи „воротилъ“ на общественныя дѣла, легко фальсифицировать общественное мнѣніе, вовлекать хотя-бы и слѣпо, все общество въ гадкій поступокъ отрицанія плохого факта и приписываніе несуществующихъ хорошихъ сторонъ. Вотъ вамъ и гласъ Божій въ словахъ народа!.. Этотъ фактъ не единиченъ. Мы видимъ теперъ: какія гнилыя теченія царятъ въ средѣ народа!.. И вотъ этой самой народной массѣ, не нынче-завтра, передадутъ болѣе активное участіе въ дѣлахъ приходѣ!.. Много зла, подводныхъ камней на пути; подъ именемъ народной массы властвовать будутъ „воротилы“; а, пока вся масса просвѣтится, будетъ сознательно ориентироваться, много воды утечетъ и, въ недалекомъ будущемъ, будутъ серьезныя столкновенія съ этимъ суррогатомъ общества...

Мірянинъ.

О выпускѣ издахій въ благочиническія библіотеки.

„Русское Богатство“ и жур. „Образованіе“ задались цѣлію по-злорадствовать и не надъ единичными ненормальностями, а надъ цѣлымъ соборомъ православныхъ архіереевъ, іереевъ, надъ церковію, надъ Христомъ и, вообще, надо всѣмъ, что есть «свято» для русскаго православнаго христіанина.

Является вопросъ: слѣдуетъ-ли и выписывать эти изданія въ наши благочиническія библіотеки, полки коихъ, по нашему мнѣнію, должны быть заполнены однимъ, исключительно, здоровымъ, прочнымъ фундаментомъ богословскихъ, философскихъ и др. наукъ? Ознакомившись съ этими либеральнѣйшими и революціоннѣйшими (каково, особенно, „Образо-

ваніе“) изданиями, читатель вынесетъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Статьи на политическія темы сводятъ мысль читателя къ одному знаменателю—къ думскому: „долой“ и „прочь“. Статьи же на другія темы представляютъ что то бѣшеное, противное, наглое, начиная конечно, съ «поповъ» и кончая кощунственнымъ издѣвательствомъ надъ обрядовѣріемъ православной церкви, надъ святынями и даже надъ Христомъ. Издѣвательство надъ тѣмъ, что особенно дорого христіанскому чувству, издѣвательство открытое, печатное бываетъ иногда прямо-таки изумительно. Я не буду здѣсь дѣлать выдержекъ подробныхъ, отсылая читателя за справками въ подлинникъ. Будьте откровенны,—православный читатель: не коробитъ васъ отъ этихъ словъ?! Скажите: для чего это написано? Такъ.. смѣха ради?—Нѣтъ. Мало этого, а чтобы еще больнѣе уязвить національное, русское, вѣрующее чувство. Если въ Думѣ верхъ не взяли, такъ давай надъ русскимъ „Богомъ“ поиздѣваемся. Земнаго русскаго царя нельзя ругать, а русскаго Бога—всегда возможно, даже и печатно. И вотъ,—эти милыя книжки тщательно будутъ перешлетаться, оберегаться, будетъ пыль съ нихъ вытираться и будутъ они въ назиданіе потомству храниться—и гдѣ-же?—Въ благочиннической бібліотекѣ. Вотъ такъ фундаментальная бібліотека выйдетъ?! Принимая во вниманіе, что эти журналы (Образованіе и Р. Богатство) способствуютъ развитію вредныхъ соціалистическихъ и революціонныхъ идей, что подрываютъ они авторитетъ господствующей православной церкви, слѣдовало бы, по справедливости, признать эти журналы не подлежащими къ выпискѣ въ благочинническія бібліотеки. Можетъ быть и правда, что мы—отцы—можемъ критически отнестись къ читаемому, но не надо забывать и нашу „меньшую братію“ г.г. псаломщиковъ, которые, въ большинствѣ, по недостаточному образовательному цензу, не могутъ разбираться въ читаемомъ, а потому, угощая ихъ подобною нечистью—въ гибели ихъ будемъ отвѣтственны мы. Далѣе. Приобрѣтая эти издания мы поступаемъ преступно, ибо забываемъ, что ихъ будутъ читать и наши дѣти, а потому (вполнѣ допустимо) и наши дѣти, читая эти книги, также могутъ попасть въ омутъ того революціоннаго движенія, которое и нынѣшнихъ дѣтей привело къ печальному концу. Мы поступаемъ преступно и потому, что выписываемъ на народныя деньги то, что научаеъ насъ идти противъ народа, противъ древнихъ устоевъ государственности, церкви и вѣры.. Всякій, принадлежащій къ элементу русскаго православнаго народа долженъ возмущаться этими изданиями. Мы же—пастыри, какъ насадители и распространители единыхъ «идей» Господа Христа, тѣмъ паче должны чуждаться этихъ изданій.

Библіографическія замѣтки.

— *Новый Ренанъ*. Читатель вѣроятно видѣлъ уже небольшую книжку,

обильно разбросанную на прилавках книжных магазинов: „Жизнь Иисуса“, „рукопись“, глава из романа „Святая земля“ (Hilligenlei) С.-П. 1907 г. 1—141 стр. ц. 75 к. Книжка издана в формѣ извѣстных „Сборниковъ Знанія“, являющихся послѣдними литературными новостями. Судя по дорогой цѣнѣ при небольшомъ объемѣ, и быстротѣ распродажи, книжка тоже считается новомодной новинкой. И правда, если вы возьмете ее въ руки и станете пробѣгать, то съ трудомъ оторветесь отъ нея. Цѣльхъ два горячихъ предисловія готовятъ читателя заинтересовать книжкой, а языкъ ея образный и легкій невольно увлекаетъ васъ еще болѣе. Ну, а какво же содержаніе книжки? Содержаніе то весьма крайнее и нехристіанское, но для непосвященнаго въ современную религіозную путаницу читателя оно является такимъ простымъ и понятнымъ тамъ, гдѣ онъ раньше видѣлъ одно чудесное и неостижимое, что и со стороны содержанія книжка можетъ казаться увлекательной. Тѣмъ болѣе, что изданная у насъ отдѣльно, книжка составляетъ собственно одну изъ главъ романа и своей литературной формой, какъ картина съ прекрасной рамой, еще болѣе кажется интересной и занимательной для читателя. Авторъ книжки Френсенъ—бывшій нѣмецкій пасторъ. Его романъ „Святая Земля“ вызвалъ весьма большой шумъ за границей. Между тѣмъ, какъ одни читатели ставятъ его наряду съ книгой Штрауса (Жизнь Иисуса), другіе подвергли его рѣшительному бойкоту. Библиотекари удаляютъ его изъ списка книгъ, книгопродавцы предлагаютъ обмѣнивать на другія книги, даже съ приплатой денегъ отъ магазина.

Уже при первомъ просмотрѣ книжки видно, что она написана въ крайне отрицательномъ духѣ и имѣетъ большое сходство съ книгой Ренана „Жизнь Иисуса“. Вмѣстѣ съ популярной формой изложенія, въ обѣихъ книгахъ одинаковое представленіе о Христѣ, какъ простомъ человѣкѣ, одинаковое отрицаніе въ христіанствѣ догматической и признаніе одной нравственной стороны; даже тѣ же два момента въ дѣятельности Христа, — какъ высокаго, безупречнаго проповѣдника добра въ первомъ періодѣ, и пошедшаго на компромиссъ съ народными ожиданіями—во второмъ. Одни и тѣ же дальше факторы образованія христіанства: болѣзненная фантазія и всемогущая легенда у первыхъ послѣдователей Христа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у Френсена есть и отличіе отъ Ренана. Христось Ренана еще проще и естественнѣе, чѣмъ у Френсена. Онъ не только дитя своего времени, со всѣми его недостатками и суевѣрїями, но и не чуждъ человѣческихъ увлеченій, а во 2-й періодъ Христось Ренана является хотя и вынужденнымъ, но обманщикомъ народа, выдавшимъ себя за божественное существо и не брезговавшимъ даже обманомъ, при воскрешеніи напр. Лазаря. Христось же Френсена обрисованъ отвлеченнѣе

и суше, но за то и возвышенѣе. Онъ чуждъ житейскихъ увлеченій, и если во 2-мъ періодѣ и идетъ на компромиссъ съ народомъ, объявляя себя спасителемъ его, то все же не какъ царь—побѣдитель, съ мечемъ въ рукахъ, а какъ учитель—миротворецъ. Но за то Френсеновскій Христосъ и слабѣ Ренановскаго, какъ историческое лицо. Даже и той видимой учености, какая есть у Ренана, не замѣтно у Френсена. Ни одной ссылки на Евангеліе, ни малѣйшаго согласія съ источниками христіанства (евангеліями) не видимъ мы у послѣдняго. Френсеновскій Христосъ—это чисто измышленный, отвлеченный и потому противорѣчивый типъ, который не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. („Ставр. Еп. вѣд“).

— Съ наслажденіемъ, которое рѣдко повторяется въ жизни, я прочелъ книгу высокой научной цѣнности проф. П. Я. *Свѣтлова* «Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія» Содержание книги: основаніе царства Божія, какъ сущность и цѣль дѣла Христова; понятіе о царствѣ Божіемъ; евангельское благовѣстіе о ц. Б. и свойства ц. Б.; средства къ основанію ц. Б.; Царство Божіе въ исторіи и дѣйствительности.; Царство Божіе въ возрѣніяхъ Гоголя, Достоевскаго, Л. Толстого; Христіанство во свѣтѣ идеи царствія Божія; идея царства Божія въ русскомъ Богословіи: священ. Петровъ, Н. Н. Неплюевъ, В. Соловьевъ. Одинъ голый перечень этихъ рубрикъ обѣщаетъ читателю полное интереса содержаніе книги. Но въ устахъ О. П. Свѣтлова, извѣстнаго въ русскомъ богословіи ему одному присущимъ экспериментальнымъ методомъ и широкимъ синтезомъ, данныя темы развиты, развернуты со всей яркостью научнаго чутья истины, съ полнотой и глубиной, доступной лишь богатырю духа, для котораго дыханіе жизни и исканіе истины одно и тоже...

— *Б. И. Гладковъ. Нагорная проповѣдь и Царство Божіе.* Спб. 1907 г. стр. 128; цѣна съ перес. 40 коп. Уже не разъ рекомендовались духовенству сочиненія г. Гладкова, заслуживающія особеннаго вниманія читателя своимъ истинно-церковнымъ религіознымъ одушевленіемъ. Отмѣчаемая недавно вышедшая брошюра представляетъ не новый трудъ г. Гладкова, а извлеченіе изъ обширнаго его труда „Толкованіе Евангелія“. Выпуская отдѣльной книжкой это именно извлеченіе изъ „Толк. Евангелія“, авторъ, очевидно, желаетъ дать противовѣсъ тѣмъ извращеннымъ передѣлкамъ „Нагорной Проповѣди“, какія, по примѣру Л. Толстого, стали выпускаться на книжный рынокъ. Въ предисловіи къ толкованію нагорной бесѣды авторъ даетъ „нѣсколько словъ о потерянномъ раѣ“. Такое предисловіе весьма умѣстно, такъ какъ нагорная проповѣдь есть именно указаніе путей, ведущихъ человѣка къ потерянному раю. Въ послѣсловіи дается какъ бы заключеніе толкованія нагорной бесѣды,—т. е. что жизнь по ученію Спасителя и есть то царствіе Божіе, въ которое

призываетъ насъ Спаситель. Весьма желательно распространіе указываемой брошюры г. Гладкова не въ средѣ только духовенства, но и среди нашей интеллигенціи.

— Въ шестнадцатой книжкѣ «Знанія» помѣщенъ разсказъ *Андрева* «*Иуда Искариотъ и другіе*». Тихая идиллія на свѣтлыхъ берегахъ Галилейскаго озера, завершающаяся потрясающей трагедіей... Иуда предалъ потому, что хотѣлъ одинъ любить Иисуса. Хотѣлъ показать Ему, что любовь всѣхъ въ мірѣ ничтожна. Во всемъ огромномъ мірѣ только онъ одинъ, Иуда, оцѣнилъ Его, прекраснѣйшаго, свѣтлаго, праведнаго. Міръ Его осудилъ. Апостолы разбѣжались, спасаясь. А онъ добровольно, по рѣшенію заранѣе, не въ тоскѣ раскаянія, а въ гордости триумфа, пошелъ за Иисусомъ, т.-е. ушелъ изъ жизни. Эта психологія геростратизма Иуды въ духѣ вѣка, уясняющаго многое психіатріей. Въ теоріи нашего талантливаго писателя нѣтъ принудительной убѣдительности. Но она можетъ глубоко и серьезно заинтересовать. Въ разсказѣ Л. Андрева много художественныхъ штриховъ. Можно пожалѣть только о нѣкоторыхъ слишкомъ явныхъ и расчитанныхъ взяткахъ реализму. Такъ, Иуда слишкомъ живописн. уродливъ. Видно, какъ на его лицо наложенъ гримъ и наклеена гумоза. Черты пламенной бурности Петра моментами утолщаются почти до шаржа.

— Въ той же книжкѣ впервые для русской литературы появляется доселѣ недопускавшееся къ намъ Флоберовское «*Искушеніе святого Антонія*» въ переводѣ Б. Зайцева. «Искушеніе Антонія» можетъ дать не одну минуту гордаго удовлетворенія русскому читателю. Куда же даже такимъ большимъ писателямъ, какъ Флоберъ, до нашего Достоевскаго въ области философскаго психологизированія и религіознаго скепсиса! Одна «*Легенда о великомъ инквизиторѣ*», десятокъ страницъ изъ исповѣди Ивана Кармазова или размышленій Кириллова изъ «*Бѣсовъ*» стоятъ десятка иноземныхъ поэмъ, хотя бы въ нихъ было столько же научнаго блеска и треска, историко-богословской эрудиціи цвѣтовъ краснорѣчія и выточенныхъ образовъ, какъ у Флобера и столько музыки изысканныхъ словъ, какую можно уловить у него только при чтеніи въ подлинникѣ. Нѣтъ такой филигранной работы у русскаго писателя, но все время онъ стоитъ надъ страшными безднами сомнѣнія, отрицанія и почти эпилептическаго захвата вѣры. Когда только слѣдишь за нимъ, идешь по готовому пути,—захватываетъ духъ, и готова закружиться голова. Перейдите отъ него къ Флоберу. По ровной проторенной тропинкѣ схолярнаго богословія ровной поступью медлительно двигается Флоберъ. Ни пропастей, ни горныхъ вершинъ, ни разверзающихся небесъ!. Поклонники восхищаются его стилемъ. Знатоки изумляются тому, какъ онъ много прочиталъ. Андерсе-

новскій мальчикъ, однако, сказала бы одно слово, которое на умѣ у всѣхъ читателей-непоклонниковъ и ни у кого на языкѣ,—печальное слово „скучно“,—при всемъ блескѣ скользящихъ картинъ. Все взялъ Флоберъ въ свой арсеналь борьбы съ вѣрующимъ духомъ. Сколько библиотечной пыли онъ поднялъ для того, чтобы еще одною количественною частностью обогатить свой багажъ отрицанія! Какими грудями выисокъ изъ Миня и богословскихъ энциклопедій ему пришлось орудовать. А ни разу; ни на мгновеніе не подвелъ онъ васъ къ звѣзднымъ безднамъ Достоевскаго, не потрясъ, не изумилъ, не взволновалъ. «Искушеніе Антонія» изъ тѣхъ вещей, чтеніе которыхъ—болѣе обязательность, чѣмъ удовольствіе. Для русской литературы съ поэмой Флобера повторилась та грустная исторія, которая оказалась неизбѣжной для книгъ. Время ослабило его цѣндля многого множества когда-то запрещенныхъ и теперь возвращенныхъ ность. Время стусевало вершины до плоскостей и горы—въ долины. То, что когда-то казалось верхами отрицанія, теперь едва достигаетъ середины... („Русск. Слово“.)

— *Н. Глубоковского. По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ учебномъ комитетѣ при Св. Синодѣ. С.-Петербургъ 1907 года Стр. VI+148. Ц. р. 20 к. съ перес.* Сейчасъ названная книжка читается съ большимъ интересомъ. Въ ней ставятся и обсуждаются самые жизненные вопросы касательно самаго больнаго мѣста въ современномъ состояніи нашей церкви. Проф. Н. Н. Глубоковскій, безъ сомнѣнія, является самымъ выдающимся и замѣчательнымъ современнымъ нашимъ богословомъ. Къ его голосу прислушиваются не только у насъ, въ Россіи, но даже и за границей. Разсматриваемая книжка представляетъ, безспорно, плодъ опыта и наблюденій этого замѣчательнаго ученаго, жизнь котораго, по собственному его признанію, принадлежитъ духовной школѣ и богословской наукѣ всецѣло, неизмѣнно и безраздѣльно. Съ другой стороны, въ настоящей книжкѣ авторъ даетъ самое широкое мѣсто чисто субъективному элементу въ обсужденіи вопросовъ духовной школы. Благодаря этому, въ ней вскрываются по мѣстамъ самыя потаенныя, интимныя стороны современной духовной школы—ея реформы, управленія, строя, администраціи, воспитательной части и т. п.

— Не богаты творческой мыслью богословскія изданія. Послѣ того какъ подъ влияніемъ новаго направленія общественной жизни, смолки обличительныя рѣчи по поводу отживающаго стараго режима—совѣмъ стало пусто въ нихъ. Большинство изданій переполнено старыми статьями, залежавшимися въ редакціи и выступающими теперь на сцену потому, что живая рѣчь. Тѣмъ цѣннѣе всякая статья, идущая отъ сердца, служащая

воспроизведеніемъ дѣйствительной жизни. Нѣсколько такихъ статей появилось въ журналѣ „Православный Путеводитель“. Считаю нужнымъ ознакомить съ ними нашихъ читателей.

Одна изъ такихъ статей, подъ заглавіемъ „Изъ дневника сельскаго священника“ изображаетъ тяжелую драму священника, оздоровившаго въ молодые годы. Статья настолько задушевная, что будь у автора желаніе отѣннить или, по крайней мѣрѣ, подробнѣй изобразить нѣкоторые моменты этой драмы,—надъ такими строчками можно было бы плакать навзрыдь. Приводимъ нѣкоторые отрывки.

20 марта. На закатѣ солнца скончалась моя жена. Поразилъ Господь въ самое больное мѣсто. Буди благословенъ Боже Отче! *23 октября.* Не найдешь прислуги. Всѣми дѣлами орудуетъ Катя, свояченица. Со мной она пренебрежительна, съ дѣтьми дерзка. Дѣти грязныя и оборваны и не играютъ, какъ приматери, не шумятъ веселымъ роемъ. Ослабленный бессонницами, я лежу на койкѣ, а они усаживаются всѣ въ рядъ на краю и тихо, грустно щебечуть. Зиночка укладывается рядомъ со мной. „Папа, а папа!“—обращается то тотъ, то другой въ полголоса. Это Катя нагнала на нихъ страхъ колотушками. Зиночка не отходитъ отъ меня, даже когда я пишу. Подставитъ стулъ, влѣзетъ на него, просунетъ на колѣни ножки, поднырнетъ подъ руки головкой и—раздольна.

„Ты пишешь, папа!

— Пишу, дочка. Ты мнѣ не мѣшай.

— „Я не буду“.

Бѣдная малютки! За что посланъ лютой холодъ въ ваши нѣжныя души! *28 ноября.* Зиночка лежитъ въ забытьѣ, потомъ вдругъ вздрогнетъ, глаза перекосятся, руки и ноги корчатся. Господи, неренеси на меня эти страданія. Наступила ночь. Я зажегъ свѣчу. Я совершенно одинъ. Катя уѣхала за матерью. Сижу и плачу. Распахивается дверь и входятъ два мужика.

— Батюшка! Съ требой.

Не могу: дочь умираетъ.

И у насъ умираетъ.

Не могу. Поѣзжайте куданибудь.

— Куда поѣдемъ отъ своего попа? Лошади съ соломы, дорога плохая. *29 ноября.* Зиночка, доченька! Прости, что не уберегу тебя. Мать взяла тебя къ себѣ. Она знаетъ, что у меня некому за тобой ходить. *14 марта.* Цѣлую недѣлю какъ то загадочно болѣлъ и умеръ Леня... Пораженный отчаяніемъ, авторъ дневника приходитъ къ рѣшенію снять санъ и жениться вновь. Нашлась добрая душа, которая не пожалѣла своей молодости—взяла на себя христіанское дѣло воспитывать семерыхъ чужихъ

дѣтей (Есть еще на Руси, не неревелись такія добрыя души).

— «Снятія сана не можетъ быть,—пишетъ онъ въ свое утѣшеніе. Никто не можетъ отлучить меня отъ любви Христовой. Никто не можетъ разрѣшить меня отъ обѣтовъ служить Господу, а служить Ему я буду, какъ и чѣмъ смогу. Но, очевидно, не такъ легко оставить святую службу у престола Господня:—дальше читаемъ. По телеграфу сообщили, что вчера Синодъ соизволилъ на сложеніе сана. Пока до подписки,—я полноправный іерей. На Успенье отслужу послѣднюю литургію. За что?... Да будетъ воля Твоя. 15 августа. Господи! Какъ тяжело мнѣ! Даже съ прихожанами не пришлось проститься. Зачѣмъ мучить ихъ. Тяжело видѣть священниковъ, снявшихъ санъ. Пусть же лучше остаются въ невѣдѣніи. Заочно прошу у васъ прощенія, добрые люди. Прости святой храмъ. Простите, ризы честныя. 22 августа. Нынче воскресенье. Молчитъ колоколь. Пришла старуха брать молитву. Сказалъ, что запретили,—бльше не могу. Тяжело, тяжело сознавать себя выброшеннымъ за дверь невѣдомо за что».

Весь дневникъ тянется на нѣсколько книжекъ. Мы заимствовали изъ него только нѣкоторыя сильныя мѣста—они не могутъ изобразить собою всей картины безпомощности сельскаго пастыря, оставленнаго всѣми, лишеннаго поддержки. Какъ относится деревня къ его страданіямъ? Рѣдкій, вчужѣ, ему посочувствуетъ, большинство старается играть на его больныхъ струнахъ (обворовываютъ его, соблазняютъ, а потомъ хотятъ завинить въ незаконномъ сожитіи), далѣе—доносы, сплетни, слѣдствія, все, чѣмъ можно убить добитаго уже человѣка. Не лучше и родственники: хороша свояченица, еще лучше—теща и тесть, также не отказывавшіеся поживиться на счетъ беззащитнаго вдовца. И никто, рѣшительно никто не хотѣлъ оказать поддержки несчастному пастырю, чтобы удержать его на старой дорогѣ. А какая это чистая, свѣтлая душа—о томъ можно судить по приведеннымъ строкамъ дневника:—слѣдовало бы сберечь эту силу для прихода.

— А вотъ и еще другая жертва приходской неотзывчивости. Въ томъ же журналѣ, въ статьѣ „Священникъ—босякъ“,—рисуетъ картина постепеннаго паденія даровитаго и преданнаго пастырству священника. Авторъ говоритъ, что этотъ священникъ „на первыхъ порахъ своего служенія всѣми силами старался осуществить идеаль духовнаго пастыря, близко принималъ къ сердцу всѣ нужды своихъ духовныхъ дѣтей, всячески старался располагать богачей къ помощи бѣднякамъ, чему самъ первый подавалъ примѣръ, дѣлясь съ неимущимъ послѣднимъ кускомъ“. Священника К. сгубило то, что онъ на первыхъ же порахъ вступилъ въ борьбу съ деревенскими міроѣдами и мѣшалъ имъ „драть съ бѣдняковъ послѣднюю

шкуру“. К. самъ даль кулакамъ оружiе противъ себя. Онъ поддался слабости, пристрастился къ вину. Глухое село, окружающая среда не мало способствовали развитiю его страсти. Не съ кѣмъ подѣлиться мыслями, не съ кѣмъ перекинуться разумнымъ словомъ, а развлечъся хочется, и вотъ онъ сталъ выпивать. Сначала понемногу, въ компанiи съ мѣстными интеллигентами, а затѣмъ дальше—больше, и наконецъ водка сдѣлалась необходимою для него“. Скоро представился случай мiроѣдамъ открыть противъ него походъ. „Въ приходѣ рѣшено было построить новую церковную ограду. Для этой цѣли попечительствомъ былъ сдѣланъ посѣвъ. Вырученная отъ продажи урожая сумма была сдана попечителю, одному изъ тайныхъ враговъ священника. Въ этотъ годъ постройка ограды не была начата. Попечитель воспользовался этимъ и затратилъ попечительскiя деньги на свои потребности. И вотъ, когда хотѣли приступить къ постройкѣ, денегъ у попечителя не оказалось. Священникъ поставилъ на видъ попечителю его нелегальный поступокъ и даже пригрозилъ начать противъ него дѣло. Тогда попечитель рѣшилъ съ своей стороны повести контръ-минуту. Прежде всего, съ помощью водки, онъ задобрилъ общество, затѣмъ повелъ прямую атаку на священника. Онъ сдѣлалъ оффиціальныи доносъ на него благочинному, въ коемъ обвинялъ священника въ пьянствѣ и другихъ неблаговидныхъ поступкахъ“. Авторитетъ священника въ приходѣ былъ подорванъ. Но вмѣсто того, чтобы продолжать борьбу, священникъ сталъ искать утѣшенiя въ водкѣ, манкировать своими обязанностями и—былъ переведенъ въ другое село на должность псаломщика. Несчастье отрезвило священника. Онъ опять заслужилъ расположенiе прихожанъ и благоволенiе начальства. Послѣднее, видя его трезвую жизнь, перемѣстило его въ городъ, на псаломщическую вакансiю съ правомъ священнослуженiя. „Городскiе батюшки воспользовались даровымъ работникомъ. Каждый изъ нихъ старался взвалить на него часть своихъ обязанностей. Какъ человекъ кроткiй, смиренный и безхарактерный, онъ безъ ропота несъ чужую службу. Но столкновение съ настоятелемъ погубило все дѣло“. Священникъ занялъ, потерявъ вѣру въ себя и сталъ опускаться все ниже и ниже...

— Счастливое исключенiе, среди этой будничной прозы, представляеть типъ *истиннаго пастыря души*, списанный съ природы въ январской книжкѣ „Душеполезнаго чтенiя“, въ статьѣ „День у о. Георгiя Коссова“. Упомянувъ о томъ, что вѣрующiе православные люди издалека стекаются въ с. Спасъ-Чокракъ (Орловск. губ.), гдѣ служитъ о. Георгiй, авторъ такими чертами описываетъ добраго пастыря. „Своею строгой по виду наружностью онъ произвелъ на меня прiятное и сильное впечатлѣнiе, вполнѣ располагавшее къ всецѣлой откровенности,—такъ и хотѣлось припасть

къ колѣнамъ его съ чистосердечною просьбою — быть посредникомъ и ходатаемъ предъ престоломъ Царя Небеснаго. Простая одежда, чрезвычайно скромная, безъ всякихъ претензій на драгоценность или изящность, и наружно сближала о. Георгія съ окружавшимъ его народомъ, дѣлая его совсѣмъ своимъ всему сѣрому русскому люду, который, чувствуя, что батюшка все пойметъ, все разгадаетъ, по данной ему благодати, нисколько не стѣсняясь никакими искусственными способами, не прикрывая своихъ проступковъ или недостатковъ, такъ прямо и говоритъ, о чемъ стонетъ душа его, о чемъ мучится совѣсть, голосъ которой ясно и понятно говорить душѣ неиспорченной и неразвращенной“... Далѣе авторъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ одного изъ обычныхъ, въ присутствіи многого множества собравшихся богомольцевъ, молитвословіи о. Георгія. Начался молебенъ, передъ которымъ батюшка громко предупредилъ молящихся, чтобы они положили по земному поклону предъ образомъ Царицы Небесной. „Пресвятая Богородице, спаси насъ“! началъ іерей, внятно и какъ-то скорбно читая тропари канона, — „жалостно“, по выраженію привезшаго меня извозчика, — часто осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, которое сопровождалось всякій разъ низкимъ и неторопливымъ поклономъ. Вся масса народа также благоговѣнно повторяла за батюшкой припѣвъ и также „истово“ и низко кланялась, вздыхая. Послѣ третьей пѣсни о. Георгій пріостановилъ чтеніе канона, медленно подошелъ къ иконостасу, помолился предъ иконой Принявшаго на Себя грѣхи и немощи наши и, взявъ съ собою лампадку съ горѣвшимъ въ ней огнемъ, пошелъ по церкви, помазывая пальцемъ каждому и каждой лобъ, щеки и руки, сопровождая эти дѣйствія надъ каждымъ молящимся словами: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Первый разъ въ жизни былъ я свидѣтелемъ такого богослуженія и не знаю даже, какъ и передать все то, что пережилъ я и перечувствовалъ... Какая сосредоточенность, какое глубокое внутреннее „вопіаніе“ къ Богу озаряло вдохновенный ликъ священника. Я долго не могъ забыть этихъ замѣчательныхъ по своей глубинѣ взоровъ, которыми на одно мгновенье окинулъ молящихся батюшка, какъ бы прося ихъ соединиться съ нимъ въ молитвѣ внутренне-глубокой... Видѣлъ я по милости Божіей мужей отдававшихся служенію Божію со всею искренностью глубоко-вѣрующихъ душъ своихъ, съ любовью сидѣлъ у ногъ этихъ ревнителей о славѣ Божіей, но такихъ чувствъ не переживалъ еще, какими исполнилась душа моя въ убогомъ Спась-Чокракскомъ храмѣ! Впечатлѣніе осталось неизгладимымъ, когда, по шестой пѣсни канона, а потомъ и по девятой пришлось быть свидѣтелемъ такого же проявленія „власти“, данной Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ чрезъ святыхъ Его Апостоловъ всѣмъ призваннымъ къ „служенію алтарю“, если они „сознательно“ принимаютъ на

себя это «иго благое», если искренно вбрують въ Сына Божія, пришедшаго въ міръ грѣшныя спасти».

Очевидно, и въ наше смутное время все еще не угасла великая жажда народа въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ, и всякій пастырь, право правящій службу свою въ этомъ направленіи, бываетъ отмѣченъ народнымъ вниманіемъ и любовью. Къ нему, какъ нѣкогда къ Амвросію Оптинскому, притекають за утѣшеніемъ цѣля толпы (многіе очень издалека); ему рассказываютъ самыя завѣтныя желанія; съ нимъ дѣлятся самыя сокровенными помыслами. И счастливъ тотъ пастырь, который стоитъ въ самомъ руслѣ этихъ душевныхъ движеній. Возвышаясь самъ надъ обычными житейскими заботами, онъ возвышаетъ и другихъ, и даетъ многимъ силы перенести тяжелыя испытанія.

— *Сборники рассказовъ и статей для чтенія народу о вредѣ пьянства*: 1, Жертвы пьянства. Сост. свящ. А. Рождественскій. 2-е изд. 380 стр. Ц. 30 коп.—2, Азбука трезвости. 3-е изд. Съ рисунк. 372 стр. Ц. 60 к.—3, Пить до дна—не видать добра. 2-е изд. 375 стр. Ц. 30 к.—4 Пьянство—великое зло. 2-е изд. 111 стр. Ц. 10 к.—5, Отрава. Соч. И. П. Мордвинова. Съ рис. 79 стр. Ц. 15 к.—6, Всѣмъ бѣдамъ бѣда: 64 ст. Ц. 5 к.—7, Преддверіе ада. 71 стр. Ц. 3 к.—8, Первая жертва вина. 54 стр. Ц. 5 к.—9, Исторія одной бутылки. Разск. (передѣлано съ французскаго). 132 стр. Ц. 10 к.—10, Все вино загубило. Разск. 1. Анастасіева 28 стр. Ц. 8 к. Всѣ книги изданія Александро-Невскаго Общества трезвости въ С.-Петербурѣ. Однимъ изъ средствъ борьбы съ этимъ порокомъ безспорно, служитъ уясненіе путемъ печатнаго слова всей отвратительности этого порока, унижающаго человѣка и приносящаго ему неисчислимыя бѣды: болѣзни, семейные раздоры, разоренье и преждевременную смерть. Здѣсь требуется въ жизненныхъ образахъ, наглядно нарисовать картину постепеннаго «оскотинѣнія» человѣка, нужно повліять на чувство и воображеніе. Александро-Невское Общество трезвости и взяло на себя эту задачу: оно въ огромномъ количествѣ выпускаетъ книги и брошюры о вредѣ пьянства и издаетъ журналы. Въ книгахъ, заглавія которыхъ выписаны нами, пьянство представляется преимущественно съ бытовой стороны. Здѣсь собраны всѣ незамѣчаемые нами и нерѣдко совершенно упускаемые изъ виду случаи изъ жизни, говорящіе объ ужасныхъ послѣдствіяхъ пьянства, о его деморализующемъ вліяніи, о томъ разладѣ, который вноситъ оно въ жизнь семейную и общественную.

Нельзя не отмѣтить особенно первую изъ названныхъ книгъ: «Жертвы пьянства». Здѣсь собраны рассказы болѣе извѣстныхъ писателей, такъ напр., встрѣчаются имена Г. Успенскаго, А. Чехова, свящ. Г. Петрова, свящ. А. Рождественскаго и др. Подборъ статей интересенъ также

и во второй книгѣ: «Азбука трезвости»; эта книга представляетъ изъ себя довольно объемистый сборникъ религіозно-нравств. статей для народнаго чтенія, содержитъ массу назидательныхъ изреченій, благочестивыхъ размышленій, множество разказовъ и стихотвореній, и снабжена превосходными рисунками. (*Перк. Общ. жизнь.*)

— *Книга предвидѣнія.* На сотнѣ страницъ убористой печати собраны послѣднія сокровища могучихъ знаній и проникновенной мысли великаго ученаго и мыслителя. Въ посмертномъ изданіи «*Дополненій къ познанію Россіи*», составляющихъ прямое продолженіе завоевавшей себя широкое распространеніе другой замѣчательной книги, покойный Д. И. Менделѣевъ идетъ все къ той же цѣли—научить познать и любить свою необъятную родину. Послѣдній трудъ знаменитаго ученаго не оконченъ: онъ прерванъ смертью на полусловѣ. Но какъ все, что исходило изъ этого рѣдкаго по своей ясности и силѣ самобытнаго и мощнаго ума, и этотъ трудъ полонъ глубокаго интереса и замѣчательнъ оригинальностью плана работы, громадностью вложеннаго въ него труда и богатствомъ яркихъ сопоставленій и выводовъ, щедро разбросанныхъ въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ. «Познаніе Россіи требуетъ данныхъ, относящихся не только къ ней самой, но и къ другимъ странамъ», говоритъ авторъ въ вступленіи. Это основная идея книги. „Въ очень къ намъ близкомъ предстоящемъ времени событія и судьбы чуть ли не сказочныхъ Негровъ и Китайцевъ будутъ вліятельно отражаться во всемъ мірѣ“ «Народъ, который хочетъ развиваться успѣшно и мирно, долженъ умѣть устроиться не только у себя дома, но и съ сосѣдями. Для этого нужно опять то же знаніе своихъ сосѣдей, особенно для Россіи, «срединнаго царства, пути великаго переселенія народовъ». Авторъ, основываясь на историческихъ данныхъ, не вѣритъ въ возможность единой всемірной имперіи, о какой мечтали когда-то неукротимые завоеватели. Скорѣе онъ предполагаетъ уничтоженіе или сліянiе мелкихъ державъ и образованіе изъ крупныхъ государствъ особыхъ видовъ Соединенныхъ Штатовъ. Зачатки подобнаго объединенія онъ видитъ въ образованіи 6 міровыхъ державъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ болѣе двухъ третей всѣхъ жителей и населеннаго пространства земли“. Японію въ ихъ число не зачисляетъ, несмотря на ея неожиданные успѣхи. Чрезвычайно интересны соображенія, по которымъ авторъ «не включалъ и включить не долженъ Японію въ число важнѣйшихъ міровыхъ державъ». Японія не принадлежитъ къ оригиналамъ державамъ—она подражательница, Японіи остались обрывки для расширенія своей территоріи или отчаянная борьба съ колоссальными державами; неизмѣнно «образуется совокупность» этихъ державъ, если Японія вздумаетъ всего достигать лишь войной; времена прочныхъ военныхъ успѣховъ канули въ вѣчность; Япо-

нія слишкомъ мала; порядокъ и миръ могутъ быть прочно гарантированы соглашеніемъ шести оригиналовъ-державъ. Называя Россію срединнымъ царствомъ, гений ученаго провидитъ для нея въ міровомъ будущемъ великую задачу: „Россія, расположенная въ обѣихъ частяхъ свѣта, явно назначена самой исторіею для того, чтобы соединить ихъ... Когда сибирскія пустыни и киргизскія степи окажутся населенными Русскими, и просвѣщеніе Россіи довольно поработаетъ для слиянія Дальняго Востока, включая въ него Китай и Японію, съ Западной Европой, тогда настанетъ дѣйствительная новѣйшая исторія“. И авторъ требуетъ, чтобы Русскіе люди всесторонне изучали Китай, «неограничиваясь однимъ Пекиномъ и Ханькоу», потому что Китай широко выступаетъ на міровую сцену и необходимо, чтобы Россія завязала тѣсный союзъ съ Китаемъ, пока онъ не поднялся выше береговъ и не хлынулъ на Европу. У Россіи къ тому же общія съ Китаемъ важныя данныя для будущаго: непрерывность занятой суши, громадность абсолютнаго числа населенія и его быстрое возрастаніе, а „это когда-нибудь скажется очень сильно“. Слѣдуетъ скорѣе заселить нашу границу съ Китаемъ, не соблазняя его пустующими землями. Вопросъ о Восточной Сибири авторъ называетъ „однимъ изъ наиболѣе жгучихъ и чисто русскихъ вопросовъ“. Но такъ какъ Китай обнаруживалъ всегда стремленіе къ югу, то опасность угрожаетъ вѣроятно всего Индіи при параллельномъ стремленіи Японіи къ Австраліи и азіатскимъ владѣніямъ Франціи. Отсюда возможность прочнаго и выгоднаго союза нашего съ Англіей и Франціей для образованія съ Китаемъ „четвернаго союза“, пока Китай не спѣлся окончательно съ Японіей.

Въ книгѣ много данныхъ о населеніи, пространствѣ, рождаемости и относительной населенности всего земнаго шара. Не только для нынѣшнихъ 1700 миліоновъ населенія земнаго шара, но и для 10 миліардовъ черезъ 150 лѣтъ и для десятковъ миліардовъ черезъ сотни лѣтъ найдутся, благодаря наукѣ и знаніямъ, неисчерпаемые источники для поддержанія и развитія жизни. Моря и океаны явятся однимъ изъ такихъ источниковъ, и ихъ богатства будутъ такъ же разрабатываться, какъ теперь на сушѣ. (*Новое Время*).

— *Книга великой тревоги. Искандеръ (А. И. Герценъ). «Съ того берега»*. Душеприказчики Павленкова выпустили въ свѣтъ «Съ того берега» въ отдѣльномъ общедоступномъ по цѣнѣ изданіи. Русскій читатель, наконецъ-то, можетъ цѣликомъ прочесть книгу, которую Герценъ любилъ особенно, считалъ лучшимъ своимъ созданіемъ. Жадно читаешь и перечитываешь эти кипящія страстью страницы и на каждой находишь нѣчто такое, что родитъ рядъ новыхъ мыслей и настроеній, или неожиданно.

какъ молнія, освѣщаетъ сверкнувшимъ сталью, отточеннымъ словомъ то, что давно дремало въ душѣ и не находило выраженія.

«Съ того берега» — сборникъ статей, написанныхъ въ 1848—49 годахъ, въ годы революціоннаго броженія всей Европы. Въ письмахъ „Съ того берега“ привлечены къ отвѣту всѣ неочредѣленные и туманныя представленія о человѣчествѣ, прогрессѣ, свободѣ, какими пробавлялось большинство тогдашнихъ общественно-политическихъ дѣятелей. „Съ того берега“, — съ берега, противоположнаго берегу всѣхъ ходячихъ представленій о смыслѣ жизни, исторіи, о задачахъ политической дѣятельности, — Герценъ принималъ, какъ теперь говорятъ, — переоцѣнку цѣнностей и въ рядѣ пламенныхъ статей билъ и билъ тревогу о великомъ переживаемомъ въ человѣчествѣ кризисѣ. Этотъ кризисъ, конечно, предстоящее крушеніе, или измѣненіе всего соціального строя, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ другихъ основъ нашей жизни. Какъ произойдетъ оно — дѣло будущаго. Герцену казалось иногда, что это будетъ величайшій катаклизмъ, крушеніе, завоеваніе міра новыми варварами, поднимающимися снизу, а можетъ-быть, нашествіе на Европу славянъ, Россіи... Но каковы бы ни были возможныя формы гибели существующихъ соціальныхъ отношеній — грядущій переворотъ — передъ человѣчествомъ, передъ каждымъ изъ насъ, и нечего трусливо закрывать глаза на будущее. Въ сущности, вѣдь, весь нашъ бытъ, говоря грубо, основанъ на антропофагіи. „Аристократія — вообще болѣе или менѣе образованная антропофагія, — пишетъ Герценъ: — каннибаль, который бьетъ своего невольника, помѣщикъ, который беретъ страшный процентъ съ земли, фабрикантъ, который богатѣетъ на счетъ своего работника, — составляютъ только видоизмѣненіе одного и того же людоѣдства. Я, впрочемъ, готовъ защищать и самую грубую антропофагію, если одинъ человѣкъ себя разсматриваетъ, какъ блюдо, а другой хочетъ его съѣсть, — пусть ѣстъ; они стоятъ того: одинъ, чтобы быть людоѣдомъ, другой, чтобы быть кушаньемъ... Работникъ не хочетъ больше работать для другого, — вотъ вамъ и конецъ антропофагіи, вотъ предѣлъ аристократіи. Все дѣло остановилось теперь за тѣмъ, что работникъ не сосчиталъ своихъ силъ, крестьяне отстали въ образованіи; когда они протянутъ другъ другу руки, тогда вы распроситесь съ вашимъ досугомъ, съ вашей роскошью, съ вашей цивилизаціей, тогда окончится поглощеніе большинства на выработываніе свѣтлой и роскошной жизни меньшинству. Въ идеѣ теперь уже окончена эксплуатація человѣка человѣкомъ, окончена потому, что никто не считаетъ это отношеніе справедливымъ“.

„Наша жизнь — постоянное бѣгство отъ себя, точно угрызения совѣсти преслѣдуютъ, пугаютъ насъ. Какъ только человѣкъ становится на свои ноги,

онъ начинаетъ кричать, чтобы не слышать рѣчей, раздающихся внутри: ему грустно, — онъ бѣжитъ разсѣяться, ему нечего дѣлать, — онъ выдумываетъ занятіе; отъ ненависти къ одиночеству онъ дружится со всѣми, все читаетъ, интересуется чужими дѣлами, наконецъ, женится на скорую руку... Кому и эта жизнь не удалась, тотъ напивается всѣмъ на свѣтѣ: виномъ, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, благодѣянїями, ударяется въ мистицизмъ, идетъ въ іезуиты, налагаетъ на себя чудовищные труды, и они ему, все-таки, легче кажутся, чѣмъ какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри его. Въ этой боязни изслѣдовать, чтобы не увидеть вздора изслѣдуемаго, въ этомъ искусственномъ недосугѣ, въ этихъ поддѣльныхъ несчастїяхъ, усложняя каждый шагъ вымышленными путями мы проходимъ по жизни спросочья и умираемъ въ чаду нелѣпости и пустяковъ, не пришедши въ себя. Очнитесь, люди, — говорить книга, — сумѣйте освободить себя не только внѣшнимъ политическимъ образомъ, переходите на тотъ берегъ.“ Когда на русскій престолъ возшелъ Александръ II. Герценъ развернулъ всю мощь своего публицистическаго таланта въ „Колоколъ“. Но «Колоколъ» имѣлъ огромное историческое значеніе только для насъ, русскихъ. „Съ того берега“ — вышедшее сперва на нѣмецкомъ языкѣ — голосъ сторожеваго колокола, звонившїй старой мѣщанской Европѣ — *Memento mori* — и будившїй строителей будущаго. Книга произвела огромное впечатлѣніе въ Германїи, вызвала страстную полемику, и Герценъ однимъ ударомъ сталъ европейскимъ писателемъ. „Съ того берега“ — сторожевой крикъ не только пережившему себя общественно-экономическому строю, но и пережившимъ себя всѣмъ нравственно-философскимъ идеямъ, въ сущности связаннымъ тѣсно со всѣмъ старымъ міромъ, хотя и являющимся якобы въ оболочкѣ радикальныхъ воззрѣній. Вся книга — гимнъ той великой индивидуальной свободѣ человѣческой души; которая доступна была во всѣ времена лишь немногимъ избраннымъ. Одна изъ участницъ движенія въ Германїи характеризуетъ впечатлѣніе, произведенное на нее книгою Герцена: „огневой потокъ живого чувства, страсти и страданія, жгучая любовь, неумолимая логика, ѣдкая сатира, холодное презрѣніе, скрывающее разочарованіе вѣрующаго, стоическое самоотреченіе и полный отчаянія скептицизмъ, — все это хлынуло бурно на меня со страницъ книги, разбудило въ душѣ моей тысячеголосые звуки и безжалостнымъ свѣтомъ истины и разлагающимъ свѣтомъ критики озарило все недавно пережитое. Еще болѣе поражала смѣлость и сила мыслителя, который, въ противоположность большинству, послѣ столькихъ разочарованій, не сталъ тѣшиться революціонными иллюзіями, а смѣло погрузилъ ножъ въ самую

рану, горькія истины историческаго развитія примѣнилъ къ оцѣнкѣ и нашихъ ошибочныхъ надеждъ и напрямикъ, безъ фразъ опредѣлили причину неудачи"... Такъ-называемый „пессимизмъ“ Герцена, сближавшій его, по мнѣнію однихъ, съ славянофилами, по мнѣнію другихъ,—съ „буржуазной идеологіей“,—былъ совѣтъ особаго рода—освобождающимъ и страстнымъ, какъ все, на чемъ печать его гения и могучей личности. Такъ книга „Съ того берега“ пробила міру и все еще бьетъ тревогу. Это одно изъ тѣхъ публицистическихъ произведеній, вызванныхъ опредѣленнымъ историческимъ моментомъ, которая силою вложеннаго въ нихъ гения переживаютъ надолго свое время. Вѣчно мѣняется жизнь, человѣческую душу волнуютъ новыя скорби и новые вопросы, но есть и вѣчно тревожные, проклятые вопросы, которые каждый снова рѣшаетъ такъ или иначе для себя, принимая-ли готовое рѣшеніе чужое или приходя къ собственному. И въ этихъ исканіяхъ, борясь съ „мѣщанствомъ“ жизни и мысли, встрѣчаясь съ книгой Герцена, человѣкъ долго будетъ узнавать въ ней себя. Многія поколѣнія будутъ еще находить въ этихъ афоризмахъ и парадоксахъ блистающихъ и пронизывающихъ, какъ острая сталь отраженіе своей тревоги, своей душевной борьбы, боли и своихъ исканій. Цѣлыя страницы можно бы переписать для характеристики, такъ идутъ къ нашему времени, къ нашей боли многія думы и изліянія Герцена.

(„Русск. Слово“.)

Редакторъ неофициальной части Священникъ І. ПОПОВЪ.

Въ приложеніи—статья: «Ново-Израильтяне».

Печат. разрѣш. 22 сентября 1907 г. Владикавказъ, цензоръ протоіерей К. Александровъ.